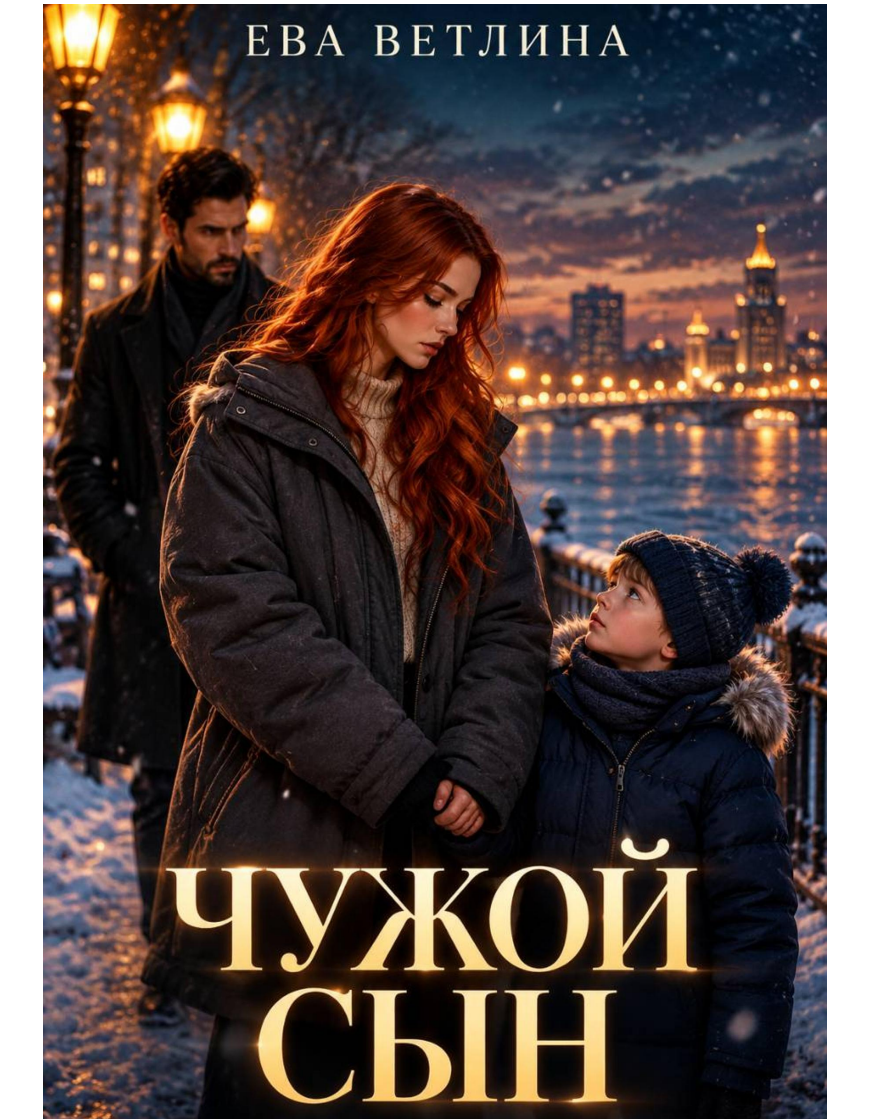

ЕВА ВЕТЛИНА

ЧУЖОЙ
СЫН

Ева Ветлина

Чужой сын

<https://litres.ru/74621704>

SelfPub; 2026

Аннотация

Шесть лет назад он оставил ей деньги на тумбочке и потребовал избавиться от ребёнка. Теперь он хочет забрать сына. У него деньги, адвокаты и квартира на тридцать восьмом этаже. У неё съёмная квартира и прошлое, которое легко превратить в обвинение.

Чтобы не потерять Лёшу, Марина выходит замуж по договору. Раздельные комнаты, развод сразу после суда. Пункт седьмой: «Не влюбляться».

Артём ненавидит ложь. Марина лгала профессионально, всю жизнь играя чужие роли. Теперь им нужно изображать счастливую пару перед строгим инспектором опеки и безжалостным адвокатом. И самой опасной ложью окажется та, которую они говорят друг другу.

Но Станиславу Северину нужен вовсе не сын. Ему нужны деньги сына. А тем, кому он должен, всё равно, чей это ребёнок.

Последняя роль. Диктофон в подкладке чужой куртки. Ночь, когда мальчика не вернули домой.

Финальная книга серии. Можно читать отдельно.

Содержание

ГЛАВА 1. Шансы	4
ГЛАВА 2. Пункт седьмой	13
ГЛАВА 3. Тамара Ильинична	24
ГЛАВА 4. Досье	34
ГЛАВА 5. Свадьба по договору	43
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Ева Ветлина

Чужой сын

ГЛАВА 1. Шансы

За неделю чёрная машина больше не появлялась.

Марина всё равно каждый вечер подходила к окну. Отодвигала край шторы, смотрела на двор, на арку, на фонарь над подъездом. Пусто. Снег, следы шин, чужие окна напротив. Она задёргивала штору и шла укладывать Лёшу. А через полчаса снова подходила к окну.

Артём ничего не говорил. Но она слышала, как он по ночам тоже встаёт. Слышала его шаги в коридоре, скрип половицы у кухни. Он думал, что она спит. Она думала, что он спит. Так они и стояли, каждый у своего окна, в разных комнатах одной квартиры.

В субботу утром приехал Игорь. Не один.

Следом за ним в прихожую вошёл старик. Маленький, сухой, в длинном чёрном пальто и с клетчатым шарфом, намотанным до самого носа. В руке у него была трость с костяной ручкой, под мышкой потёртый кожаный портфель, который, судя по виду, пережил не одно поколение хозяев.

Старик размотал шарф, оглядел прихожую, детские ботинки на полу, рисунок на двери ванной и сказал скрипучим

ГОЛОСОМ:

— Ну-с. Где тут мать, у которой хотят отобрать ребёнка?

— Это я, — сказала Марина.

Старик посмотрел на неё снизу вверх. Глаза у него были светлые, водянистые и очень внимательные. Как у человека, который за свою жизнь видел столько вранья, что научился чувствовать его по запаху.

— Гранин, — сказал он. — Лев Михайлович. Пятьдесят лет занимаюсь семейными делами. Ни одного ребёнка не отдал не тому родителю. Чаю мне, пожалуйста. Крепкого. С лимоном. И бумаги.

Игорь, стоявший у него за спиной, развёл руками и беззвучно сказал одними губами: «Лучший».

Лев Михайлович пил чай на кухне маленькими глотками и читал исковое заявление. Медленно. Водил по строчкам узловатым пальцем, иногда хмыкал, иногда что-то бормотал себе под нос. Марина сидела напротив и смотрела, как остывает её собственная чашка. Артём стоял у окна, скрестив руки на груди. Игорь сидел на подоконнике и вертел в руках телефон.

Лёша в комнате строил гараж для машинок из обувной коробки. Время от времени оттуда доносилось: «Дядя Артём, а где скотч?» И Артём, не оборачиваясь, отвечал: «Во втором ящике слева».

Наконец Гранин отложил бумаги. Снял очки. Протёр их краем свитера.

— Ну что ж, — сказал он. — Хотите правду или хотите, чтобы я вас утешил?

— Правду, — сказала Марина.

— Похвально. Тогда слушайте. — Он загибал пальцы. — Со стороны истца: собственная квартира в Москве, двести квадратных метров. Загородный дом. Стабильный доход, пусть и под вопросом. Отец, который, цитирую, «узнал о существовании сына лишь недавно, так как мать намеренно скрывала ребёнка». Лучшие адвокаты, каких можно купить за деньги. И Эльвира Котова, которая у них ведёт дело. Я её знаю. Она съест вас и не поморщится.

Он загнул последний палец и посмотрел на Марину.

— С вашей стороны, голубушка?

Марина молчала.

— Съёмная квартира, которую вы уже не снимаете, потому что живёте здесь, — продолжил Гранин. — Временная прописка в Подмоскowie, у тётки, которую вы десять лет не видели. Никакой официальной работы. Никаких отчислений. И участие в мошеннической схеме, о котором, простите, теперь знает весь деловой мир Москвы. В главной роли.

— Её заставили, — сказал Артём от окна.

— Молодой человек, — Гранин даже не обернулся, — суд по семейным делам не разбирается, кто кого заставил. Суд смотрит на одно. Где ребёнку будет лучше. Стабильно. Безопасно. Предсказуемо. — Он снова надел очки. — А мать, которая за деньги изображает других людей, в глазах суда не

стабильная, не безопасная и уж точно не предсказуемая. Она авантюристка.

Слово упало на стол, как камень.

Марина почувствовала, как у неё горит лицо. Она знала, что он прав. Знала с той самой ночи у башни, когда Стас посмотрел на неё сверху вниз и сказал: «Отлично. Значит, у меня есть сын». Знала, но не хотела слышать вслух.

— И что мне делать? — спросила она тихо.

Гранин посмотрел на неё долгим взглядом. Потом вдруг улыбнулся. Неожиданно тепло, всеми морщинами сразу.

— Во-первых, перестать себя хоронить. Вы пришли в «Метрополь» и при двухстах свидетелях сказали правду. Это многое стоит. Суды тоже читают новости, хоть и делают вид, что нет. Во-вторых, найти работу. Любую. Официальную. Хоть кассиром в супермаркете. Суду нравятся кассиры. В-третьих...

Он помолчал. Отхлебнул чаю.

— В-третьих, суду нужна семья. Не мама-одиночка с тёмным прошлым, а семья. Дом. Порядок. Двое взрослых, которые водят ребёнка в садик и проверяют, почистил ли он зубы. — Он поставил чашку. — Найдите себе мужа, голубушка. Желательно скучного. С постоянной работой, собственной квартирой и безупречной репутацией. И чтобы ребёнок его любил.

— Лев Михайлович, — Марина невольно усмехнулась, — у меня суд через два месяца. Где я за два месяца найду скуч-

ного мужа?

— Это я пошутил, — сказал Гранин. — Наполовину.

За окном прокаркала ворона. В комнате Лёша что-то уронил и сказал: «Ой».

Артём у окна не пошевелился. Но Марина краем глаза увидела, что он смотрит на неё. Пристально. Как смотрел на документы, когда в них что-то не сходилось.

Гранин ушёл через час, оставив на столе список документов, которые нужно собрать, и номер своего телефона, записанный на салфетке.

— Звоните в любое время, — сказал он уже в прихожей, заматываясь шарфом. — Я не сплю. В моём возрасте спать жалко, можно не проснуться.

Игорь задержался в дверях. Посмотрел на Марину, потом на Артёма.

— Даша просила передать, что завтра приедет, — сказал он. — Если её не будет тошнить. Её сейчас тошнит от всего. От кофе, от духов, от меня.

— От тебя? — переспросила Марина.

— Говорит, я слишком громко дышу. — Игорь вздохнул. — В прошлый раз её тошнило от чеснока. Я не жаловался.

Он ушёл. Марина закрыла за ним дверь и прислонилась к ней спиной.

День тянулся бесконечно. Она убирала, готовила, читала Лёше «Муху-Цокотуху», которую он теперь требовал каждый вечер, после того как бабушка Вера в Твери рассказала

ему, что комары иногда бывают храбрыми. Лёша заснул на втором чтении. Марина накрыла его одеялом и долго сидела рядом, глядя, как он дышит.

Пять лет. Пять лет она одна. Ночные температуры, садик, который не мог её ждать, работа, которую нельзя было называть работой. Пять лет ни одного дня без страха, что однажды кто-нибудь придёт и спросит: а где отец? А на что вы живёте? А кто вы вообще такая?

И вот пришли. Спросили.

Она тихо вышла из комнаты, прикрыла дверь и прошла на кухню. Включила маленькую лампу над столом. Достала из папки исковое заявление. Положила перед собой. И стала читать в десятый раз. Будто от десятого раза слова могли измениться.

«Ответчица намеренно скрывала от истца факт рождения ребёнка».

«Ответчица не имеет постоянного источника дохода».

«Ответчица была замешана в мошеннических действиях, что подтверждается материалами уголовного дела».

«Истец имеет возможность обеспечить ребёнку достойные условия жизни, образование и медицинское обслуживание».

Ответчица. Будто у неё не было имени.

Она не плакала. Разучилась давно, ещё в Сочи, когда сидела в пустом гостиничном номере, смотрела на конверт с деньгами на тумбочке и записку, написанную его красивым

почерком: «На врача. Не затягивай». Тогда она проплакала до утра. А утром собрала вещи и больше не плакала никогда. Слезы не платят за квартиру.

Скрипнула дверь.

Артём вошёл на кухню. В старой серой футболке и домашних штанах, с растрёпанными волосами. Он не спал. Она видела это по глазам.

Он молча налил себе воды из графина. Выпил. Поставил стакан. Потом выдвинул стул и сел напротив неё. Не рядом. Напротив. Как садятся за стол переговоров.

Положил ладони на стол.

— Я подумал над тем, что сказал Гранин, — сказал он.

— Он пошутил.

— Наполовину. — Артём смотрел ей прямо в глаза. — Вторая половина была не шуткой. Я проверил. Восемь из десяти подобных дел суды решают в пользу того родителя, у которого полная семья и стабильное жильё. Это статистика.

— Артём, я не понимаю, к чему ты...

— У меня собственная трёхкомнатная квартира, — продолжал он ровным голосом, будто зачитывал отчёт. — Постоянный официальный доход последние двадцать лет. Ни одного штрафа, ни одной судимости, ни одного кредита. Я скучный. Гранин сам сказал: нужен скучный. Я самый скучный человек из всех, кого ты знаешь.

Марина смотрела на него и не могла понять, шутит он или нет. Артём Лебедев никогда не шутил.

— И Лёша меня любит, — добавил он. Чуть тише. — Кажется.

— Артём.

— Выходи за меня, — сказал он.

Марина открыла рот. И закрыла.

Он сидел напротив, сложив руки на столе, с абсолютно серьёзным лицом. Как на деловых переговорах. Как будто предлагал не руку и сердце, а слияние двух компаний.

— По договору, — уточнил Артём. — Фиктивно. Только до решения суда. Потом разведёмся, и ты свободна. Никаких обязательств. Никаких чувств. Всё прописываем на бумаге, пункт за пунктом. Я в этом хорош. Я двадцать лет читаю договоры.

За окном пошёл снег. Мелкий, густой, сухой. В комнате вздохнул и перевернулся на другой бок Лёша.

Марина смотрела на мужчину напротив. На его аккуратно сложенные руки. На знакомую морщинку между бровями. На глаза, которые, кажется, в первый раз за всё время их знакомства не могли выдержать её взгляда и смотрели куда-то чуть левее её уха.

Она вдруг поняла, что он волнуется. Артём Лебедев, человек-таблица, человек-отчёт, сидел ночью на собственной кухне и волновался так, что у него побелели костяшки пальцев.

— Ты понимаешь, что ты сейчас сказал? — тихо спросила она.

— Понимаю, — ответил он. — Я подготовил черновик договора. Хочешь посмотреть?

ГЛАВА 2. Пункт седьмой

Черновик договора был распечатан на четырёх листах, скреплён степлером в левом верхнем углу и пронумерован. Внизу каждой страницы стояли две пустые строчки для подписей.

Марина держала его в руках и не знала, плакать ей или смеяться.

— Ты когда это успел? — спросила она.

— Пока Гранин пил вторую чашку чая, — ответил Артём.
— У меня был открыт ноутбук.

— Ты сидел у окна с ноутбуком и писал брачный договор, пока адвокат рассказывал мне, что я авантюристка?

— Ну, не брачный. — Он слегка покраснел. — Соглашение о совместном проживании и взаимных обязательствах. Брачный — это про имущество. Там другая форма.

Марина посмотрела на него поверх листов. Он сидел напротив, совершенно серьёзный, с аккуратно сложенными руками, в своей старой серой футболке, и ждал. Как ждал бы реакции заказчика на отчёт.

Она опустила глаза и начала читать вслух.

— «Пункт первый. Брак заключается сторонами исключительно в целях защиты интересов несовершеннолетнего Ковальского Алексея». — Она подняла бровь. — Исключительно?

— Это формулировка.

— Хорошая формулировка. — Она перевернула страницу. — «Пункт второй. Стороны проживают по адресу: город Тверь, улица Трёхсвятская, в отдельных комнатах». Ясно. «Пункт третий. Расходы сторон отдельные. Расходы на содержание ребёнка распределяются в соотношении...» — Марина замолчала. — Артём. Почему здесь написано «семьдесят на тридцать»?

— Потому что у меня доход больше.

— Нет.

— Это логично.

— Нет, Артём. Пополам. Или я ничего не подписываю.

Он посмотрел на неё долгим взглядом, взял ручку и молча зачеркнул «семьдесят на тридцать». Сверху написал аккуратным почерком: «пятьдесят на пятьдесят». И поставил рядом свою подпись, как в настоящем документе.

— Исправление внесено, — сказал он.

Марина фыркнула и стала читать дальше.

«Пункт четвёртый. Брак расторгается по взаимному согласию сторон не позднее тридцати дней после вступления в законную силу решения суда по делу об определении места жительства ребёнка».

«Пункт пятый. В присутствии третьих лиц, а именно сотрудников органов опеки, суда и иных заинтересованных лиц, стороны ведут себя как супружеская пара».

Она подняла глаза.

— А что значит «ведут себя как супружеская пара»?

Артём покраснел до ушей. Марина впервые видела, как краснеет человек его возраста. Медленно, от шеи вверх, будто кто-то наливал в стакан вишнёвый сок.

— Подразумевается, — сказал он, глядя в стол, — что мы держимся за руки. Иногда. Называем друг друга... как-нибудь. Знаем, кто какой чай пьёт. И всё такое.

— И всё такое, — повторила Марина.

— В разумных пределах.

— В разумных пределах, — снова повторила она и почувствовала, что сейчас рассмеётся в голос.

Она прикусила губу и перешла к шестому пункту.

«Пункт шестой. Лёше не врать».

Тут она замолчала. Без всякого смеха.

Это был единственный пункт без канцелярских слов. Без «стороны» и «несовершеннолетнего». Просто три слова, и имя её сына.

— Это ты сам придумал? — тихо спросила она.

— Да.

— Но мы же будем ему врать. Каждый день. Что мы муж и жена.

Артём покачал головой.

— Мы будем мужем и женой. По документам. Это правда. Мы будем жить вместе. Это тоже правда. А чего мы не будем ему говорить... — Он помолчал. — Говорить не всё не значит врать. Ему пять лет. Когда он спросит прямо, мы

ответим прямо.

Марина долго смотрела на этот пункт. Потом кивнула и перевернула последнюю страницу.

Там был всего один пункт. Отдельно, в самом низу, под жирной линией.

«Пункт седьмой. Стороны обязуются не влюбляться».

Марина подняла голову. Артём смотрел в окно с таким лицом, будто ему было совершенно всё равно.

— Это шутка? — спросила она.

— Нет. Это мера предосторожности.

— От чего?

— От осложнений, — ответил он. — Через полгода мы разведёмся. Если кто-то из нас... если что-то пойдёт не так, развестись будет трудно. Я подумал, лучше записать сразу.

И тут Марина всё-таки рассмеялась. Громко, на всю кухню, запрокинув голову, так, что пришлось зажать рот ладонью, чтобы не разбудить Лёшу. Она смеялась и не могла остановиться, а Артём сидел напротив и смотрел на неё. Сначала обиженно, потом растерянно, потом с какой-то странной, осторожной улыбкой.

— Что смешного? — спросил он, когда она наконец отдышалась.

— Ничего. — Марина вытерла глаза. — Просто ты единственный мужчина в мире, который делает предложение с пунктом «не влюбляться».

— Я единственный мужчина в мире, который делает пред-

ложение с договором, — поправил он. — Остальные пункты тебя не смутили.

Она взяла ручку. Покрутила её в пальцах.

— У меня есть свой пункт.

— Пиши.

Марина наклонилась над последней страницей и под седьмым пунктом вывела своим почерком, крупным и быстрым: «Пункт восьмой. Не спасать меня. Я сама».

Развернула лист к нему.

Артём прочитал. Долго молчал. Потом взял ручку и дописал рядом мелко, почти незаметно: «Принято. С оговорками».

— С какими оговорками? — возмутилась Марина.

— С разумными, — сказал Артём и протянул ей ручку.
— Подписывай.

Она подписала. «М. Ковальская», с завитушкой на конце, как в те времена, когда ещё собиралась стать актрисой и тренировалась раздавать автографы перед зеркалом.

Он подписал следом. «А. Лебедев». Ровно, без единого лишнего штриха.

За окном начинало светать.

В загс они пошли в понедельник, втроём.

Лёша держал Марину за одну руку, Артёма за другую и важно шагал между ними по заснеженному тротуару, переступая через лужи. Ему объяснили, что они идут «по делам», и это его полностью устраивало.

Женщина за столом в загсе была полной, румяной и бесконечно любопытной. Она приняла их паспорта, заполнила бланки, поправила очки и подняла глаза.

— Дату регистрации выбирать будем? Ближайшая свободная через месяц, восьмого января. Но если хотите покрасивее, есть четырнадцатое февраля.

— Восьмое января, — сказал Артём.

— Ближайшая, — сказала Марина одновременно.

Женщина посмотрела сначала на одного, потом на другую. Потом на Лёшу, который пытался достать со стойки ручку на пружинке. Потом снова на Марину. Взгляд у неё стал понимающим и очень тёплым.

— Торопитесь, — сказала она. — Понимаю. Беременны?

— Нет, — сказала Марина.

— Нет, — сказал Артём.

— Ну и ладно, ну и правильно, — женщина подмигнула. — Сейчас нет, потом будете. Дело молодое.

Артём сделался красным, как светофор. Марина отвернулась к окну, чтобы не расхохотаться.

На улице Лёша вдруг остановился посреди тротуара и задрал голову.

— Мам. А мы зачем туда ходили?

Марина и Артём переглянулись. Пункт шестой. Лёше не врать.

Марина присела перед сыном на корточки, поправила ему шапку.

— Мы с дядей Артёмом подали заявление, чтобы пожениться, — сказала она.

Лёша подумал. Серьёзно, сосредоточенно, так, как думал всегда, когда сталкивался с чем-то новым.

— А что такое пожениться?

— Это когда люди решают жить вместе в одном доме и помогать друг другу, — осторожно сказала Марина. — Во всём.

Лёша подумал ещё. Посмотрел на Артёма снизу вверх. Потом на маму.

— Так вы же уже, — сказал он и пожал плечами. — Вы же уже вместе живёте. И помогаете. Дядя Артём мне велосипед починил.

Он развернулся и пошёл дальше по тротуару, гордо пиная перед собой ледышку.

Марина медленно поднялась. Посмотрела на Артёма.

Артём смотрел на мальчика. И у него было такое лицо, какого Марина у него ещё не видела. Ни на совещаниях, ни в «Метрополе», ни ночью на кухне.

Даша приехала во вторник. Бледная, злая, с пакетом сухариков в руке и с Игорем, который нёс за ней сумку, подушку и бутылку минеральной воды.

— Не смотри на меня так, — сказала Даша прямо с порога. — Если я сейчас почувствую запах твоего кофе, меня вывернет прямо здесь.

— У нас нет кофе, — сказала Марина. — Артём пьёт чай.

— Слава богу. — Даша упала на диван и закрыла глаза.
— Игорь, воды.

Игорь протянул ей бутылку с видом человека, который за последние две недели научился предугадывать желания беременной жены за три секунды до того, как она их произнесёт.

Утро осталась дома с Галиной Сергеевной, а Лёша сразу утащил Игоря в свою комнату показывать гараж из обувной коробки. Марина и Даша остались вдвоём.

Это всё ещё было странно. Две женщины с одним лицом, на одном диване. Как будто кто-то поставил два зеркала друг напротив друга. Марина ловила себя на том, что разглядывает Дашу, как разглядывают незнакомую версию себя: с другой стрижкой, с другими морщинками, с другой жизнью.

Даша, кажется, делала то же самое.

— Игорь сказал, вы подали заявление, — сказала Даша, не открывая глаз.

— Подали.

— По договору.

— По договору.

Даша открыла один глаз и посмотрела на неё.

— Покажи.

Марина принесла договор. Даша села, взяла листы, прочитала первые три пункта и хмыкнула. На пятом пункте подняла брови. На шестом замолчала. На седьмом засмеялась так, что ей пришлось схватиться за живот.

— «Стороны обязуются не влюбляться». — Она утёрла слёзы. — Господи. Это Артём написал?

— Артём.

— А ты подписала?

— Подписала.

Даша отложила договор и посмотрела на неё. Уже серьёзно.

— Знаешь, с чего мы начинали с Игорем? — спросила она. — С войны. Он поставил щит со своей рекламой напротив моей кофейни. Я ему в общий чат написала, что его бариста людей травят. Мы друг друга ненавидели. Честно ненавидели. А потом был форум в Сочи. И номер восемьсот семнадцать.

Марина молчала.

— Я это к тому, — сказала Даша, — что человек, который так старательно записывает «не влюбляться», обычно уже опоздал. Он просто ещё сам не знает.

— Это фиктивный брак, Даша.

— У нас с Игорем тоже были фиктивные переговоры, — пожала плечами Даша. — Месяца три. Пока я не оказалась на пятой неделе.

Из комнаты Лёши донёсся грохот и следом громкий голос Игоря: «Это не я! Оно само упало!» И радостный визг Лёши.

Даша закатила глаза.

— Отец года, — сказала она с нежностью.

Она снова откинулась на подушку и закрыла глаза. По-

молчала. А потом сказала тихо, почти шёпотом, чтобы не слышали мужчины в соседней комнате:

— Пункт седьмой нарушают первым, Марина. Всегда. Поверь человеку, который сам когда-то сказал врагу: «Я хочу, чтобы ты исчез».

Марина хотела ответить, что у них всё по-другому. Что это просто бумага, просто суд, просто способ защитить сына. Что Артём Лебедев не умеет влюбляться, а она давно разучилась.

Но в этот момент из комнаты вышел Артём. С Лёшей на плечах, который держал его за уши и командовал: «Направо! Налево! Стоп!» Артём послушно поворачивал направо, налево и останавливался. Волосы у него были растрёпаны, на рубашке висел обрывок скотча, а лицо было такое спокойное и счастливое, какого Марина у него никогда не видела.

Он поймал её взгляд и смутился. Чуть заметно.

Марина отвернулась первой.

Телефон завибрировал у неё в кармане, когда Даша и Игорь уже собирались уходить. Незнакомый номер. Марина вышла в коридор и ответила.

— Марина Андреевна Ковальская? — Женский голос, сухой и официальный. — Вас беспокоят из отдела опеки и попечительства. В связи с поступившим иском нам необходимо провести обследование жилищно-бытовых условий несовершеннолетнего. Вы проживаете по адресу улица Трёхсвятская?

— Да, — сказала Марина. Голос сел.

— Совместно с гражданином Лебедевым Артёмом Викторовичем?

— Да.

— Отлично. Инспектор будет у вас завтра в десять утра. Пожалуйста, обеспечьте присутствие всех проживающих.

Звонок оборвался.

Марина медленно опустила телефон. Подняла глаза.

В прихожей стояли все. Даша в пальто, Игорь с сумкой, Артём с Лёшей на плечах. Все смотрели на неё.

— Опека, — сказала Марина. — Завтра. В десять утра.

Артём медленно снял Лёшу с плеч и поставил на пол.

— Пункт пятый, — сказал он.

Даша посмотрела на него, потом на Марину. И, несмотря на тошноту, расхохоталась на всю прихожую.

ГЛАВА 3. Тамара Ильинична

До прихода инспектора оставалось шестнадцать часов.

Артём посчитал это машинально, как считал всегда. Шестнадцать часов. Девятьсот шестьдесят минут. Из них минимум шесть нужно потратить на сон, иначе завтра он будет выглядеть так, будто его самого надо проверять органам опеки.

Он не спал ни минуты.

Сначала они переносили вещи. Марина стояла посреди его спальни с охапкой своих платьев и смотрела на шкаф так, будто шкаф мог её укусить.

— Сюда? — спросила она.

— Сюда, — сказал Артём и сдвинул свои рубашки влево, освобождая половину перекладины. Рубашек было одиннадцать. Восемь белых, три голубых. Он вдруг увидел их её глазами и понял, насколько это скучно.

Марина повесила платья. Пять штук. Тёмно-синее, серое, чёрное, бордовое и одно летнее, в мелкий цветочек, которое она, кажется, ни разу при нём не надевала. Они висели рядом с его рубашками, и шкаф внезапно стал похож на чужой.

Нет. Не на чужой. На общий.

Потом была ванная. Марина поставила свою зубную щётку в его стакан. Синюю, рядом с его белой. Поставила и отдернула руку, будто обожглась. Артём сделал вид, что не за-

метил.

Потом они пересадили на его подоконник её фиалку, которая жила в комнате Марины. Потом положили на его прикроватную тумбочку её книгу. Потом её крем для рук. Потом заколку.

К одиннадцати вечера спальня Артёма Лебедева выглядела так, будто в ней живут двое. Он стоял в дверях и не узнавал собственную комнату.

— Теперь вопросы, — сказала Марина.

— Какие вопросы?

— Она будет нас спрашивать. Друг о друге. Так всегда делают. — Марина села на кухне за стол и положила перед собой лист бумаги и ручку. — Я однажды играла невесту одного бизнесмена на встрече с его мамой. Мама два часа спрашивала, какой у него любимый суп и как звали его первую собаку.

— И ты знала?

— Мне дали шпаргалку. Шесть страниц. — Марина пожала плечами. — Суп харчо. Собака Рекс. Мама ничего не заподозрила. Через месяц они расстались, а мама до сих пор присылает мне открытки на Новый год.

Артём сел напротив. Взял чистый лист.

— Хорошо. Тогда шпаргалка.

Они писали до двух ночи.

Он узнал, что она родилась в Краснодаре. Что у неё аллергия на клубнику, но она её всё равно ест, потому что очень

любит. Что в детстве она хотела стать ветеринаром, а потом увидела в школьном спектакле Снегурочку и решила стать актрисой. Что её мама умерла, когда ей было девятнадцать, а отца она не помнит. Что она ненавидит звонить по телефону незнакомым людям и всегда пишет сообщения. Что засыпает только на левом боку.

Она узнала, что он вырос в Твери, в двух кварталах отсюда. Что отец у него был бухгалтером, а мать учительницей математики, и что в восемь лет он пересчитал все книги в районной библиотеке, потому что ему было интересно, сколько их. Тридцать две тысячи четыреста одиннадцать. Что у него был кот по кличке Дебет. Что он ни разу в жизни не был на море.

— Ни разу? — Марина подняла на него глаза. — Тебе сорок лет.

— Сорок один, — поправил он. — Как-то не получилось.

— Как может не получиться поехать на море?

— Сначала не было денег. Потом не было времени. Потом было не с кем. — Он пожал плечами. — А одному на море... Я не знаю, что там делать одному.

Марина ничего не ответила. Только долго смотрела на него. Потом опустила глаза и что-то записала в своём листе.

Около трёх ночи они перестали писать. Просто сидели на диване в гостиной, каждый со своей шпаргалкой, и проверяли друг друга, как студенты перед экзаменом.

— Моя любимая еда, — сказала Марина.

— Жареная картошка с грибами. Но ты говоришь всем, что паста, потому что картошка звучит несолидно.

— Как ты узнал? Я этого не писала.

— Ты три раза за неделю жарила картошку с грибами. И три раза ела её прямо со сковородки, когда думала, что я не вижу.

Марина покраснела.

— Твоя очередь, — сказала она. — Мой любимый цвет.

Он открыл рот. И закрыл. Этого они тоже не писали.

Он вспомнил её платье в шкафу. Её синюю зубную щётку. Её шарф, который висел в прихожей. Куртку, которую она носила до того, как начала носить его. Чашку, из которой она пила чай. Синюю, с отбитой ручкой.

— Синий, — сказал он. — Тёмно-синий. Не голубой. Как Волга в ноябре, перед тем как встаёт лёд.

Марина ничего не сказала. Она отвернулась к окну, и в полутьме он не видел её лица.

Он не помнил, как заснул.

Проснулся оттого, что затекла шея. И оттого, что на плече что-то лежало. Тёплое и тяжёлое.

Артём осторожно скосил глаза.

Марина спала, положив голову ему на плечо. Шпаргалка выпала у неё из руки и лежала на полу. Волосы рассыпались по его футболке. Она дышала тихо и ровно, слегка приоткрыв губы, и спала на левом боку, как и говорила.

Он не шевелился. Боялся разбудить. Боялся, что она

проснётся, увидит и отодвинется.

В окно било зимнее солнце. Часы на стене показывали девять сорок две.

Девять сорок две.

Артём дёрнулся так резко, что Марина подскочила и стукнулась головой о его подбородок.

— Ай!

— Девять сорок две! — сказал он. — Она будет через восемнадцать минут!

Следующие восемнадцать минут Артём потом вспоминал как самые сумасшедшие в своей жизни.

Марина металась между ванной и детской, одновременно умываясь, причёсываясь и одевая Лёшу. Артём в панике застилал диван в гостиной, чтобы не было видно, что на нём кто-то спал. Потом понял, что кровать в спальне идеально заправлена, как в гостинице, и это выглядит ещё подозрительнее. Кинулся в спальню и смял покрывало. Потом смял подушку. Потом подумал и смял вторую.

Лёша стоял посреди коридора в одном носке и с интересом смотрел, как взрослые бегают по квартире.

— А мы куда-то опаздываем? — спросил он.

— К нам придёт тётя, — сказала Марина, натягивая на него второй носок. — Очень важная. Будет смотреть, как мы живём.

— А зачем?

— Чтобы убедиться, что тебе хорошо.

— Мне хорошо, — удивился Лёша. — Я ей скажу.

Звонок в дверь раздался ровно в десять. Ни минутой раньше, ни минутой позже.

Тамара Ильинична оказалась невысокой седой женщиной лет шестидесяти, в строгом сером пальто и с огромной кожаной папкой под мышкой. Лицо у неё было сухое и неподвижное, а глаза острые, быстрые и всё замечающие. Как у Гранина. Как у самого Артёма.

Артём сразу понял: обмануть её будет трудно.

— Здравствуйте, — сказала она. — Лебедев Артём Викторович?

— Я.

— Ковальская Марина Андреевна?

— Я.

— Ковальский Алексей?

— Я! — гордо сказал Лёша и протянул ей руку для пожатия, как учил его дядя Игорь.

Тамара Ильинична секунду смотрела на маленькую ладошку. Потом серьёзно её пожала.

— Очень приятно, Алексей. Покажешь мне свою комнату?

Она ходила по квартире час. Открыла холодильник и проверила, что в нём есть, и Артём мысленно поблагодарил Марину, которая вчера сварила суп. Осмотрела ванную, заметила две зубные щётки, ничего не сказала. Долго стояла в детской, рассматривала гараж из обувной коробки, книжки

на полке, рисунки на стене. Задала Лёше десяток вопросов: что он ест на завтрак, кто читает ему сказки, во сколько он ложится спать. Лёша отвечал охотно, подробно и с удовольствием.

Потом они сидели на кухне. Тамара Ильинична открыла свою папку и достала бланк.

— Как давно вы проживаете совместно?

— Чуть больше месяца, — сказала Марина.

— Где познакомились?

Артём и Марина переглянулись. Этого в шпаргалке не было. Слишком очевидный вопрос, чтобы о нём подумать.

— Он пришёл ко мне домой с вопросами, — сказала Марина. Правда. — По работе. Я сначала решила, что это проверка.

— А это была проверка? — уточнила Тамара Ильинична.

— Это была проверка, — признал Артём. Тоже правда.

— Я её проверял. Она меня тоже. Мы до сих пор проверяем.

Тамара Ильинична впервые подняла на него глаза. Внимательно. Будто увидела что-то неожиданное.

— Хорошо. Марина Андреевна, как ваш будущий супруг пьёт чай?

— Чёрный, крепкий, без сахара, — ответила Марина не задумываясь. — С лимоном. Наливает себе полную кружку и забывает её на подоконнике. Потом допивает холодным и говорит, что так даже лучше.

Артём медленно повернул голову и посмотрел на неё. Он

этого не писал в шпаргалке. Он сам не знал, что так делает.

— Артём Викторович. Любимый цвет вашей невесты?

— Тёмно-синий, — сказал он. — Как Волга в ноябре.

Тамара Ильинична записала что-то в бланк. Долго, мелким почерком. Артём не видел что.

— Алексей, — повернулась она к Лёше, который сидел на табуретке рядом с мамой и болтал ногами. — Скажи, тебе нравится жить с мамой и дядей Артёмом?

— Нравится, — сказал Лёша.

— А дядя Артём хороший?

— Хороший. Он мне велосипед починил. И он знает, сколько книг в библиотеке. И он, — Лёша понизил голос до шёпота, будто выдавал страшную тайну, — он спит...

Марина побелела. Артём почувствовал, как у него остановилось сердце.

— ...очень мало, — быстро сказал Артём. — Я очень мало сплю. Много работаю по ночам. Лёша часто видит, как я на кухне с ноутбуком сижу. Да, Лёш?

Лёша посмотрел на него. Потом на маму. Потом снова на него. Лицо у него было очень серьёзным и очень сосредоточенным, как у человека, который решает сложную задачу.

— Да, — сказал Лёша. — Он ночью работает. А ещё он храпит. Я слышал.

— Я не храплю, — сказал Артём.

— Храпишь, — сказала Марина. — Немного.

Тамара Ильинична посмотрела на них поверх очков. На

Артёма. На Марину. На мальчика между ними. Губы у неё едва заметно дрогнули. Совсем чуть-чуть.

Она закрыла папку.

— Достаточно. Спасибо. Условия хорошие. Ребёнок ухожен, накормлен, спокоен, к вам обоим привязан. Это я и напишу.

Марина медленно выдохнула. Артём почувствовал, как отпускает напряжение в плечах.

Они проводили её до двери. Тамара Ильинична неторопливо надела пальто, застегнула все пуговицы, взяла папку под мышку. Уже взялась за ручку двери. И вдруг обернулась.

— Кстати, — сказала она, как бы между прочим. — Со стороны отца тоже просили на вас посмотреть. Адвокат звонила дважды. Очень просили. Подробно. Особенно интересовались, где и как вы спите.

Марина застыла. Артём почувствовал, как по спине пробежал холод.

Тамара Ильинична посмотрела на них обоих долгим взглядом. Тем самым, острым, всё замечающим.

— И ещё одно, — сказала она. — Совет. Не как инспектор. Как человек, который тридцать лет ходит по чужим квартирам.

Она помолчала.

— За руки держаться нужно естественнее. Вы оба держитесь так, будто боитесь обжечься. Суд это заметит. Эльвира Котова тоже заметит.

Она кивнула им и вышла. Дверь мягко захлопнулась.

Марина и Артём остались стоять в прихожей. Только сейчас Артём понял, что всё это время, с той самой минуты, как Лёша сказал «он спит», они держались за руки. Крепко, до побелевших пальцев.

Он посмотрел на их сцепленные ладони. Марина посмотрела тоже.

И ни один из них не отпустил руку первым.

ГЛАВА 4. Досье

Лев Михайлович Гранин жил на Советской, в старом доме с лепниной, в квартире, где книг было больше, чем воздуха.

Книги стояли на полках до потолка, лежали стопками на полу, на подоконниках, на стульях. На единственном свободном кресле спал огромный серый кот с порванным ухом. Гранин согнал его, усадил Артёма, а сам опустился за письменный стол, заваленный бумагами.

— Я вас позвал одного, — сказал он. — Без Марины Андреевны. Догадываетесь почему?

— Нет.

— Врёте, — спокойно сказал Гранин. — Догадываетесь. По лицу видно.

Он вынул из папки тонкую пачку листов и протянул через стол.

— Это пришло вчера вечером. Ходатайство Котовой о приобщении к делу дополнительных материалов. Характеризующих личность ответчицы. Читайте. Я пока чай поставлю.

Он ушёл на кухню, шаркая тапками. Кот проводил его жёлтым глазом и снова свернулся у ног Артёма.

Артём начал читать.

Это было досье. Подробное, выверенное, составленное профессионально. Он сразу узнал руку: так работают част-

ные детективы высокого уровня. Такие, каких он сам когда-то нанимал для сложных проверок. Даты, адреса, фамилии заказчиков, суммы гонораров. Пять лет жизни Марины, разложенные по строчкам, как бухгалтерская ведомость.

Март, пять лет назад. Сыграла сестру жениха на свадьбе в Химках, чтобы у жениха «была семья». Гонорар двадцать тысяч.

Июль. Изображала секретаршу директора на переговорах с китайскими партнёрами. Тридцать пять тысяч.

Октябрь. Приходила на родительские собрания в частную школу вместо матери одного мальчика, которая жила в Лондоне и не хотела, чтобы школа об этом знала. Восемь месяцев. Сто двадцать тысяч.

Артём читал строчку за строчкой. Роль за ролью. Невеста. Сестра. Секретарша. Подруга. Мать на собраниях. Вдова на похоронах человека, которого она ни разу не видела живым.

Это было странно, но не страшно. Он и так знал, что она этим занималась. Она сама сказала ему ещё в кабинете у Даши, ещё в книге их общего кошмара: «Я подменяла людей». Знал. И принимал.

А потом он перевернул третью страницу.

Три года назад. Ноябрь. Нотариальная контора на улице Вольного Новгорода. Нотариус Семенихина Л. А.

Ковальская М. А. выступала в качестве доверенного лица и родственницы, а именно племянницы Анны Сергеевны Зуевой, гражданки Зуевой Клавдии Петровны, тысяча де-

вятьсот тридцать девятого года рождения. Оформлялась доверенность на продажу однокомнатной квартиры, принадлежащей Зуевой К. П.

Через два месяца квартира была продана. Деньги Зуева К. П. не получила. Сама Зуева К. П. была выселена и в настоящее время проживает в доме престарелых в Конаково.

Возбуждено уголовное дело по факту мошенничества. Приостановлено в связи с неустановлением лиц, подлежащих привлечению в качестве обвиняемых.

Артём перечитал этот абзац три раза. Буквы не менялись.

К досье были приложены копии. Доверенность с подписью Зуевой, дрожащей, старческой. Ниже подпись «племянницы». Он узнал её сразу. Крупные, быстрые буквы. Завитушка на конце.

Ту же завитушку он видел позавчера внизу последней страницы их договора.

Гранин вернулся с двумя чашками. Поставил одну перед Артёмом, вторую взял себе. Сел. Отхлебнул.

— Дочитали? — спросил он.

— Дочитал.

— Вы знали?

Артём молчал.

— Не знали, — кивнул Гранин. Без удивления, без сочувствия. — Я так и думал. Она вам не рассказала.

— Она рассказала мне всё, — сказал Артём. И сам услышал, как это звучит. — Я думал, что всё.

— Люди никогда не рассказывают всё, молодой человек. Даже на исповеди. Особенно на исповеди. — Гранин поставил чашку. — Теперь слушайте внимательно. Это важно. Само по себе досье для нашего суда неприятно, но не смертельно. Её роли, её гонорары, всё это мы объясним. Мать-одиночка, без помощи, без денег. Суды тоже люди. Но вот это...

Он постучал узловатым пальцем по третьей странице.

— Это уголовное дело. Приостановленное, но не закрытое. Если Котова передаст эти материалы следователю, а она передаст, если ей будет нужно, дело возобновят. Марину Андреевну вызовут на допрос. Как свидетеля, а может, и не как свидетеля. И с этой минуты, голубчик, никакой суд в России не оставит ей ребёнка. Мальчика отдадут отцу на следующий же день. Ну, или в лучшем случае временно бабушке. Которой, насколько я понимаю, у мальчика нет.

Артём смотрел на подпись с завитушкой.

— Что вы предлагаете? — спросил он.

— Пока ничего. Сначала мне нужно узнать правду. Всю. — Гранин посмотрел на него в упор. — И вы её узнаете раньше меня. Вы с ней живёте.

Артём вышел от Гранина в начале пятого. Уже темнело. Шёл мокрый снег, под ногами чавкала серая каша.

Он не поехал домой. Сел в машину и долго сидел, глядя на мокрое лобовое стекло.

Телефон зазвонил, когда он уже заводил двигатель. Номер был незнакомый, московский.

— Артём Викторович? — Женский голос. Низкий, бархатный, очень спокойный. — Эльвира Котова. Адвокат Станислава Константиновича Северина. Простите, что беспокою напрямую. Вы ведь уже ознакомились с нашим ходатайством?

Артём молчал.

— Я так и думала, — сказала Котова. В её голосе слышалась улыбка. — Знаете, Артём Викторович, я навела о вас справки. Безупречная репутация. Двадцать лет в финансовых расследованиях. Ни одного скандала. Вы человек, который ненавидит ложь. Это ведь ваша профессия. Находить, где люди врут.

— Что вам нужно?

— Ничего. Совершенно ничего. — Пауза. — Я просто хотела спросить. Как человек человека. Вы ведь понимаете, на ком собираетесь жениться?

Артём сжал телефон так, что пластик скрипнул.

— До свидания, Эльвира... не знаю, как вас по отчеству.

— Эльвира Рашидовна, — мягко сказала она. — До встречи в суде, Артём Викторович. Берегите себя. И свою репутацию.

Связь оборвалась.

Дома было тепло и пахло пирогами. Марина стояла у плиты в фартуке, перепачканном мукой. Лёша сидел за кухонным столом и лепил из теста кривого человечка.

— Это ты, — сказал Лёша, когда Артём вошёл, и показал

на человечка. — Видишь, у тебя очки.

У человечка из теста действительно были очки, сделанные из проволоочки от хлебного пакета. Артём посмотрел на них, и что-то сжалось у него внутри.

— Похож, — сказал он.

Марина обернулась. Улыбнулась. А потом увидела его лицо, и улыбка медленно погасла.

— Что случилось?

— Лёш, — сказал Артём, не отрывая от неё взгляда. — Иди посмотри мультики. Пять минут.

Лёша удивился, но послушно слез со стула и ушёл, унося своего человечка. Через минуту из комнаты донеслась музыка из мультфильма.

Артём положил на стол досье. Раскрыл его на третьей странице. На доверенности с двумя подписями. С дрожащей, старческой и с крупной, быстрой, с завитушкой на конце.

Марина посмотрела на лист.

И Артём увидел, как она меняется в лице. Как уходит краска со щёк, как сжимаются губы. Как она медленно, очень медленно вытирает руки о фартук. Хотя руки у неё были чистые.

— Откуда это? — спросила она глухо.

— Котова. Вчера передала в суд.

Марина медленно опустилась на табуретку.

— Это правда? — спросил Артём.

— Да.

— Ты была у нотариуса? Изображала племянницу старухи, у которой отобрали квартиру?

— Да.

— И ты мне не сказала.

Марина подняла на него глаза. Сухие. Злые.

— А когда я должна была тебе сказать, Артём? Когда ты подсаживался ко мне в кафе со своими вопросами? Или когда ты пришёл в «Метрополь»? Или, может, на кухне, когда ты подсунул мне договор?

— Я спрашивал тебя. Во дворе, неделю назад. «Расскажи мне всё». Ты говорила два часа. Про Сочи. Про Стаса. Про посредников. Про роли. А про это ни слова.

— Потому что я не знала, как это сказать!

— Это называется ложь, Марина.

Слово упало между ними, тяжёлое, как кирпич. Марина вздрогнула.

— Ложь, — повторила она медленно. — Знаешь, Артём, я не обещала тебе правды. Я обещала тебе фиктивный брак. Пункт первый. «Исключительно в интересах несовершеннолетнего». Где в договоре написано, что я обязана рассказывать тебе своё прошлое?

— Пункт шестой, — сказал он тихо. — Не врать.

— Лёше не врать! — Она вскочила. — Лёше, Артём! Не тебе! Про тебя там ничего нет!

Он смотрел на неё. И не узнавал. Или наоборот, впервые узнавал по-настоящему. Женщину, которая пять лет жила

чужими лицами и так и не научилась показывать своё.

— Ты права, — сказал он. Голос у него был совершенно ровный. Тот самый голос, которым он разговаривал с клиентами, когда находил в их отчётах дыру на десять миллионов. — Про меня в договоре ничего нет. Извини. Я превысил полномочия.

Он развернулся и вышел из кухни.

Ужинали молча. Лёша смотрел то на маму, то на дядю Артёма и, кажется, впервые за всё время не задавал вопросов. Человечек из теста, которого Марина всё-таки испекла вместе с пирогами, лежал на тарелке перед Артёмом, глядя на него проволочными очками. Артём так его и не съел.

Спать он лёг в гостиной, на диване. Марина ничего не сказала. Лёша спал в своей комнате. Пункт второй: в отдельных комнатах. Хотя что-то в этом договоре они выполняли честно.

Он не спал. Лежал и смотрел в потолок, по которому от уличного фонаря ползли тени.

Он думал о том, что за двадцать лет работы научился одному: люди врут всегда. Клиенты врут о доходах. Партнёры врут о сделках. Жёны врут мужьям, мужья жёнам. Он привык к этому. Это была его профессия.

Но он почему-то думал, что Марина не будет. Что с ней будет по-другому. Глупость какая.

В половине третьего ночи в коридоре скрипнула половица.

Артём поднял голову.

В полутьме прихожей стояла Марина. В куртке. В его куртке, которую так и не вернула. С большой спортивной сумкой на плече. На руках у неё спал Лёша, завернутый в одеяло, тёплый, тяжёлый, с плюшевым динозавром, зажатый в кулаке.

Она стояла у двери и пыталась одной рукой бесшумно открыть замок.

Артём медленно сел на диване.

Она обернулась. Увидела его. И замерла с рукой на замке.

Несколько секунд они просто смотрели друг на друга в темноте.

— Куда ты? — тихо спросил он.

Марина не ответила. Только крепче прижала к себе спящего сына.

ГЛАВА 5. Свадьба по договору

Артём не встал с дивана.

Марина ждала, что встанет. Что подойдёт, возьмёт её за руку, начнёт уговаривать или, наоборот, кричать. Она была готова к любому из этих вариантов. За пять лет она научилась быть готовой ко всему.

Но Артём просто сидел в темноте, в мятой футболке, с пледом на коленях, и смотрел на неё.

— На улице минус пятнадцать, — сказал он наконец. Ровно, будто зачитывал прогноз погоды. — Метро не ходит до половины шестого. Такси по ночному тарифу до любой точки Твери от шестисот рублей, а на вокзал больше тысячи. Первая электричка на Москву в четыре сорок две. Лёша в одеяле, без шапки и, судя по всему, без носков.

Марина машинально посмотрела вниз. Из-под одеяла торчала маленькая голая пятка.

— Давай ты уйдёшь утром, — сказал Артём. — Если всё ещё захочешь. А сейчас я поставлю чайник.

Он поднялся, прошёл мимо неё на кухню, не задев, не коснувшись, и щёлкнул выключателем. Жёлтый свет упал в коридор.

Марина постояла ещё минуту. Потом медленно сняла с плеча сумку. Отнесла Лёшу в его кроватку, укрыла, надела ему носки, которые валялись на полу. Лёша не проснулся.

Только пробормотал в сне что-то про динозавров.

Когда она вернулась на кухню, на столе стояли две кружки. Одна с чёрным чаем, крепким, с лимоном. Вторая с травяным, с мятой и мёдом. Такой она пила по вечерам. Она никогда ему об этом не говорила.

Она села. Обхватила кружку двумя руками.

— Ты не будешь меня останавливать? — спросила она.

— Нет. Пункт восьмой. — Артём сел напротив. — Не спасать тебя. Ты сама.

— Там было написано «с оговорками».

— Оговорки касались жизни и здоровья. — Он отхлебнул чай. — Ночная улица в минус пятнадцать с ребёнком на руках подпадает под оговорку. Но только до утра.

Марина неожиданно для себя фыркнула. Он всегда делал это. Говорил что-то совершенно серьёзно, а получалось смешно. И она никогда не могла понять, нарочно он или нет.

Они долго молчали. За окном шёл снег. Холодильник гудел.

— Её звали Клавдия Петровна, — сказала Марина.

Артём поднял глаза. Ничего не сказал. Просто ждал.

И Марина начала рассказывать.

Не так, как неделю назад во дворе, когда она говорила два часа и тщательно обходила самое страшное, как обходят яму на дороге. Сейчас она начала с самого начала.

С Сочи. С инвестиционного форума шесть лет назад, куда её, двадцатипятилетнюю выпускницу театрального учи-

лица, взяли промоутером. Белое платье, улыбка, бокалы с шампанским на подносе. С высокого светловолосого мужчины, который взял с подноса бокал, посмотрел на неё и сказал: «Вы слишком красивы, чтобы раздавать шампанское». С того, как она поверила. С двух месяцев, которые она потом вспоминала как самые счастливые в жизни. С яхты, с набережной, с той фотографии, которую он сделал на телефон и которую она потом зачем-то распечатала.

С теста на беременность в ванной гостиничного номера. С его лица, когда она сказала. С конверта на тумбочке и записки красивым почерком: «На врача. Не затягивай».

С Краснодара, куда она вернулась, потому что больше было некуда, хотя мамы там уже не было. С крошечной съёмной комнаты. С родов, на которые никто не пришёл. С трёх месяцев, когда она кормила Лёшу и не знала, чем будет платить за комнату в следующем.

С подруги по училищу, которая однажды позвонила и сказала: «Слушай, тут одному жениху нужна сестра на свадьбу. На один вечер. Двадцать тысяч. Ты же актриса».

— И я пошла, — сказала Марина. — А потом позвали ещё раз. И ещё. Я была хорошей сестрой. Хорошей невестой. Хорошей секретаршей. Мне платили. Лёша ел. Я никому не делала плохо. Я так думала.

Она замолчала. Смотрела в кружку.

— А потом был посредник. Тот же, который потом позвал меня на март. Олег Аркадьевич, вежливый такой, в очках.

Сказал, есть пожилая женщина, Клавдия Петровна. Её родная племянница живёт в Германии, не может приехать. Тётя хочет продать квартиру и переехать к племяннице. Нужно, чтобы кто-то сыграл племянницу у нотариуса. Это формальность. Все довольны. Пятьдесят тысяч.

— И ты сыграла.

— И я сыграла. — Марина подняла глаза. — Я сидела рядом с ней у нотариуса, Артём. Держала её за руку. Она называла меня Анечкой. Она говорила, что я очень похудела в Германии и что надо больше есть. Она дала мне с собой пирожков в пакете. С капустой.

Голос у неё сорвался. Она замолчала, сжала губы.

— Через два месяца я увидела по телевизору сюжет. Чёрные риелторы в Твери. Пенсионерку выселили из квартиры по поддельной доверенности. Показали её. В том же самом платке, в котором она была у нотариуса.

Артём молчал.

— Я поехала в Конаково, — сказала Марина. — В дом престарелых. Через месяц. Простояла у ворот час. И не смогла войти. Не смогла. Развернулась и уехала. — Она подняла на него глаза, и в них наконец появились слёзы. — Вот почему я тебе не сказала. Ты ненавидишь ложь. Ты сам мне это говорил. А я была этой ложью. От начала и до конца. Я сидела рядом со старухой, ела её пирожки и помогала отбирать у неё дом.

Слёзы покатались по щекам. Она их не вытирала.

— Утром я уйду, — сказала она. — Не надо меня жалеть. Котова права. Я не та, на ком нормальный человек должен жениться.

Артём долго молчал. Так долго, что Марина решила: всё. Он сейчас встанет и уйдёт в гостиную, и это будет правильно.

А потом он сказал:

— Ты знаешь её фамилию?

Марина растерянно моргнула.

— Что?

— Её фамилию. Клавдии Петровны. И какой дом престарелых в Конаково. Их там два.

— Зуева. — Марина вытерла глаза тыльной стороной ладони. — Дом на улице Энергетиков. А зачем?

Артём допил свой холодный чай. Поставил кружку на подоконник, как всегда. И посмотрел на неё тем взглядом, которым смотрел на таблицы, когда находил в них то, что другие пропустили.

— Затем, что у этого дела есть посредник, Олег Аркадьевич в очках, — сказал он. — Тот же самый, который потом работал на Станислава. Значит, у меня есть ниточка, которую я ещё не тянул. А у тебя есть долг перед Клавдией Петровной, который ты можешь вернуть. — Он помолчал. — Утром я позвоню Гранину. Он скажет, как сделать так, чтобы ты пришла к следователю не обвиняемой, а свидетелем. Пострадавшей, если угодно. Тебя обманули так же, как её.

— Артём...

— Я не спасаю тебя, — быстро сказал он. — Пункт восьмой. Я просто... я финансовый исследователь. Это моя работа. Ты сама решаешь, что делать дальше.

Марина смотрела на него через стол. На усталого, небритого мужчину в мятой футболке, который сидел на собственной кухне в три часа ночи и только что, кажется, подарил ей шанс, которого у неё не было три года.

— Почему? — спросила она шёпотом.

Он не ответил сразу. Потом пожал плечами.

— Ты сказала, что ты была этой ложью от начала и до конца. — Он поднялся и стал мыть свою кружку, стоя к ней спиной. — Это неправда. Ты держала её за руку. Ты съела её пирожки. Ты поехала в Конаково. Лжецы не едут в Конаково, Марина. Лжецы забывают.

Марина не ушла. Ни утром, ни через неделю.

Гранин, выслушав всю историю по телефону, долго молчал, потом шумно высморкался и сказал: «Голубушка, вы меня до инфаркта доведёте. Но это лучшее, что вы могли сделать. Идём к следователю сами. До того, как туда придёт Котова». И они пошли. И Марина три часа рассказывала усталому следователю про Олега Аркадьевича в очках, про пирожки с капустой и про платок в мелкий цветочек. А когда вышла из кабинета, на скамейке в коридоре сидел Артём. Он ничего не спросил. Просто протянул ей пакет с горячей шаурмой и сказал: «Ты не обедала».

Восьмого января шёл снег.

Загс на Свободном переулке был украшен еловыми ветками и красными бантами, оставшимися с Нового года. В холле пахло хвоей и духами. Перед ними расписывались двое совсем юных студентов в джинсах. После них пожилая пара, которой обоим было явно за семьдесят. Невеста в голубом костюме плакала от счастья, жених держал её за руку и смущённо улыбался.

Марина смотрела на них и думала: а вдруг у них тоже по договору? Вдруг все здесь немного врут?

Нет. Вряд ли. У старушки дрожали руки. Так не дрожат по договору.

На ней было тёмно-синее платье. То самое, из шкафа. Как Волга в ноябре. Она надела его, не задумываясь, утром. И только увидев, как Артём на неё посмотрел в прихожей, поняла, что сделала.

Артём был в сером костюме, который ему, похоже, выбирал Игорь. Костюм сидел безупречно. Артём в нём выглядел так, будто его заставили надеть броню и велели идти на войну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.